

Некоторые особенности нарративных источников по истории Никейской империи (1204–1261)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению греческих нарративных источников, созданных в Никейской империи (1204–1261) и о ней. Основными авторами исторических текстов этого периода были Никита Хониат и Георгий Акрополит, а также Михаил Хониат и Николай Месарит. В статье излагаются их биографии и отмечается значение этих писателей для формирования представлений об истории Никейской империи. Жизни этих авторов были тесно связаны с событиями Четвертого крестового похода и взятием крестоносцами Константинополя в 1204 г., а их работы освещают последующие события византийской истории в Никее и на подчинявшихся этому городу территориях. Главная особенность сочинений данных авторов заключается в том, что в них полностью отсутствует представление о переломе в жизни византийского государства и общества после разорения его исторической столицы. Указанные писатели напротив подчеркивают историческую преемственность государственности Никейской империи и ее идеологии с государственностью и идеологией Византийской империи в Константинополе. Автор рассматривает сочинения этих писателей в общем контексте их биографий и социально-политической обстановки той эпохи. Также проанализированы основные характерные особенности данных источников. В статье прослеживается, как в рассматриваемых источниках отразились личностные особенности их создателей.

Ключевые слова: Византийская империя, Никейская империя, преемственность, историописание, нарративный текст, первичный источник, биография, мировоззрение, идеология, общество.

Abstract. This article focuses on the Greek narrative sources written during and about the Nicaean Empire (1204–1261). The principal authors of historical texts during this period were Niketas Choniates and Georgios Akropolites, as well as Michael Choniates and Nikolaos Mesarites. The article presents brief biographies about each author and notes the value of their contributions to the historical knowledge concerning the Nicaean Empire. These authors' lives were closely connected to the events of the Fourth Crusade and the capture of Constantinople in 1204, and their works shed light on the subsequent events in Byzantine history – at Nicaea and in its subordinate territories. The main common attribute of the named authors is that they do not express a discontinuation of the Byzantine government and society after the loss of the ancient capital. On the contrary, their texts clearly reflect a historical continuity of the Nicaean government and ideology from from the Byzantine government and ideology in Constantinople. The article considers the historical sources within the context of the writers and their biographies and the general socio-political situation of the period. The author also analyses the features of these sources and traces how they reflect the personal elements of their creators.

Key words: Byzantine Empire, Nicaean Empire, continuity, history writing, narrative text, primary source, biography, worldview, ideology, society.

История основания и раннего этапа истории Никейской империи известна по довольно скудным источникам – скудным как по количеству, так и по своему содержанию. Поэтому до сих пор трудно восстановить события первых лет после захвата крестоносцами Константинополя 12–13 апреля 1204 г. и уточнить даты основных фактов, связанных с основанием новой столицы Византийской империи в городе Никее в Малой Азии. Хотя в историографии давно принято

именовать время с 1204 по 1261 гг. эпохой Никейской империи и рассматривать его отдельно от истории державы со столицей в Константинополе, современные историки склонны минимизировать влияние изменения географического местоположения столицы на основные характеристики византийского государства, тем более что термин «Византийская империя» представляется в известной степени условным, так как ее жители называли свою страну Римской империей, а себя считали ромеями. В данной статье

для ясности византийское государство до 1204 г. будет называться Византийской империей, а после – Никейской империей. Преемственность и генетическая общность обеих империй прослеживается по источникам первой половины XIII в. В них подтверждается непрерывность и неизменность системы представлений современников о византийской государственности после 1204 г., адаптация этой системы к новой геополитической ситуации. Захват Константинополя воспринимался ими не как переломный момент в истории государства, а фактически как сугубо политическое событие – хотя и катастрофическое по своим масштабам и содержанию. Оно не рассматривалось византийцами как нечто, способное поколебать их веками устоявшийся быт.

Если же вернуться к закрепившемуся в историографии мнению о прерывании в 1204 г., после перемещения столицы в Никею, прежней государственности, то его появление во многом было спровоцировано борьбой за власть, развернувшейся после падения Константинополя. Тогда сразу несколько претендентов заявили о своих правах на престол, одновременно стали обособляться целые территории с местными правителями, но именно в Никее возникло государство под началом новой династии Ласкарисов, которым удалось справиться с конкурентами, а спустя несколько десятилетий – и вернуть прежнюю столицу империи [1, 1–5]. Самые ранние из известных императорских [2] и патриарших [3] документов Никейской империи датированы 1208 г., чуть позже в новой столице начинается чеканка монет [4]. Но наиболее ценными для понимания мироощущения граждан империи, «не почувствовавших» какого-то качественного ее изменения, являются нарративные источники, представляющие государство в Никее просто продолжением, причем самым настоящим и подлинным, константинопольской империи. Известны две хроники той эпохи, написанные ее современниками – Никитой Хониатом и Георгием Акрополитом, – а также письма и документы двух видных деятелей данного периода – Михаила Хониата и Николая Месарита. Все названные лица активно участвовали в политической жизни в годы правления Феодора I Ласкариса (в случае Георгия Акрополита – сразу после этого императора, но вместе с тем непосредственно при никейском дворе), т. е. как раз при основателе Никейской империи.

Никита Хониат

Никита Хониат (ок. 1155 – 1216/1217), о котором недавно вышло подробное исследование с его детальной биографией [5], родился в малоазийских Хонах в знатной семье. В юности он со своим братом Михаилом отправился в Константинополь на обучение. Впоследствии Михаил стал известным ритором и богословом, Никита же вскоре поступил на государственную службу и в 1170-х гг. находился на должности чиновника, занимавшегося фиском в Пафлагонии, а при Алексее II (1180–1183) он был назначен императорским секретарем. За вычетом непродолжительного периода при Андронике I (1183–1185) Хониат непрерывно восходил по служебной лестнице, получая чины «судьи виглы», «ефорома» и начальника над царской спальней, и наконец достиг чина «логофета секрета». При осаде Константинополя Никита Хониат бежал с семьей в Селимврию, а в 1207 г. – к Феодору I Ласкарису (1204–1221) в Никею. Свою хронику – историю Византии с 1118 по 1206 гг. – Хониат начал в Константинополе, а продолжил и редактировал уже в изгнании. Последние по описываемому времени фрагменты его хроники – именно те, что нас интересуют в первую очередь, – написаны с точки зрения византийца, пережившего падение Константинополя и участие в основании новой столицы. Текст хроники впервые был опубликован И. Беккером в 1835 г. с латинским переводом [6], а в 1975 г. Я. ван Дитен осуществил критическое издание труда Никиты Хониата – уже с полным научным аппаратом [7]. Существует несколько переводов хроники на современные языки. Речи и письма Никиты Хониата были изданы дважды: в 1872 г. К. Сафой [8] и в 1972 г. в Берлине Я. ван Дитеном [9]. Как историк Никита Хониат достоверен, соблюдает хронологический порядок описываемых событий и во многом традиционен в своем мировоззрении. А. П. Каждан считал его «очень византийской фигурой». Никита Хониат, по словам историка, «соткан из противоречий, иногда разительных и далеко не всегда примиримых» [10, 20]. Это качество отражается и в трудах хрониста. С одной стороны, его сочинение проникнуто патриотизмом, он симпатизирует императорам и аристократии, а не толпе и народным массам, ибо явно боится их насмешек и видит в них угрозу общественному порядку [5, 24; 10, 131, 134]. С другой стороны, Хониат «тесно связан с основной социально-культурной проблема-

тикой своей эпохи»: он проявляет религиозный скепсис, десакрализирует идею императорской власти, переосмысливает значения цветочных символов и обновляет архаичный греческий язык [5, 131–134; 10, 21–22, 408]. Он ощущает божественное вмешательство в судьбы людей, но вместе с тем учитывает и вполне прагматические причины исторических событий, в целом придерживаясь такого историописания, в котором в центр внимания ставятся личность и деятельность императора [5, 135; 11, 20–21, 31]. Критический подход к разбираемым сюжетам и склонность к аналитике у Хониата вызваны его стремлением отыскать в фактах предыдущих лет причины трагедии 1204 г. Писатель достаточно четко выражает собственную позицию. Он отходит от традиционного «ромеоцентризма», то обвиняя императоров в алчности, то видя превосходство латинян и сельджуков над византийцами [5, 138, 144]. Для нас сочинение Никиты Хониата является бесценным свидетельством и уникальным источником, своего рода путеводителем по начальному этапу развития византийских государств после 1204 г. И конечно, особое значение имеют речи Хониата, составленные им для никейского двора, в первую очередь речь 1207 г. [9, 129–147] и речь 1208 г., написанная для прочтения самим императором Феодором византийцам [9, 120–128]. В этих сочинениях не только подробно описываются события первых лет существования Никейской империи, но и содержится информация, позволяющая судить о формировании идеологии государства, утратившего свою историческую столицу. Однако впоследствии, не обретя прежней славы при новом никейском дворе, Никита Хониат частично переписал свою хронику, представив новый – более мрачный и критический – взгляд на политические реалии Никейской империи [12] и гораздо более скупой рассказ о деятельности Феодора Ласкариса [13, 117–124].

Михаил Хониат

Михаил Хониат (ок. 1140 – ок. 1220), как и его младший брат Никита, родился в малоазийских Хонах и, как уже говорилось выше, получил образование в Константинополе. Там Михаил Хониат стал учеником Евстафия Солунского – знаменитого богослова и историка. В 1182 г. Михаил был рукоположен митрополитом Афин и прилежно опекал свою паству, которая при Исааке II и Алексее III страдала от тяжелых нало-

гов, коррупции чиновников и прочих негативных явлений, свидетельствовавших о глубоком кризисе центральной власти. После падения Константинополя в 1204 г. Михаил Хониат, отразив попытку местного аристократа Льва Сгура взять город, в 1205 г. все-таки был вынужден сдать Афины подошедшим к стенам города крестоносцам. Остаток жизни Михаил провел на острове Кеосе в изгнании и, несмотря на просьбы брата переселиться в Никею и готовность императора Феодора прислать за ним корабль, отказался, так как хотел остаться ближе к своей пастве. Хотя письма Михаила Хониата содержат несущественные дополнения к составленному его братом описанию царствования Феодора Ласкариса, по ним тем не менее можно получить представление об отношении отдаленного от Малой Азии византийца – представителя духовной православной элиты – к усилиям нового императора. В его посланиях ярко выделяются два обращенных к Феодору письма с заявлениями о преданности и вере в миссию Никеи. Собрание писем Хониата было систематизировано и отредактировано самим автором. Это собрание издавалось дважды: в 1879–1880 гг. С. Лампросом [14] и в 2001 г. Ф. Коловым [15].

Николай Месарит

Важным источником являются произведения другого иерарха греческой церкви – Николая Месарита [16]. О начальном периоде его жизни известно очень мало, но после падения Константинополя деятельность Месарита становится известной и чрезвычайно значимой. До 1206 г. он представлял интересы греков в Латинской империи, когда между церквями возникли разногласия из-за нежелания греков подчиняться латинскому патриарху. В 1207 г. Месарит возглавил делегацию, отправившуюся к Феодору Ласкарису с просьбой помочь восстановить греческий патриархат. После этого Николай стал референдарием патриарха Михаила Авториана, затем – митрополитом Эфеса и экзархом Азии. И уже в новом качестве он продолжил участвовать в налаживании латинско-греческих отношений, представляя в 1214 г. православную церковь на переговорах об унии с папским посланником Пелагием. Сведения о его деятельности в 1207–1214 гг. особенно важны для изучения церковной и дипломатической политики Феодора Ласкариса. Основными работами Месарита, в которых содержится информация на данную

тему, являются «Отчет о переговорах в Константинополе в 1206 г. об избрании патриарха и коронации императора в Никее в 1208 г.» и «Речь о переговорах в Константинополе с кардиналом Пелагием» 1214 г. [17]. Тексты этих сочинений сохранились не полностью и до сих пор реконструируются исследователями. Составленное Месаритом описание переговоров не только подробно рассказывает о самом событии, но и отражает официальную позицию православной церкви по вопросу об унии [18]. Основная ценность документа заключается в том, что его автор, будучи участником переговоров, подробно освещает их ход. Кроме того, сочинения Месарита помогают частично восстановить хронологию событий, о которых он ведет речь.

Георгий Акрополит

Еще одним историком-хронистом, освещавшим историю Никейской империи, был Георгий Акрополит. Он родился в 1217 г. в знатной константинопольской семье, имевшей прямые связи с императорским двором в Никее. В раннем возрасте, приблизительно в 1233 г., Акрополит был приглашен императором Иоанном III Дукой Ватацем (1222–1254) в Никею, где начал свое обучение, занимаясь словесными науками и математикой у Феодора Эксаптерига, а философией – у Никифора Влеммида [19, 126]. Иоанн III возлагал на Акрополита большие надежды и, по словам последнего, симпатизировал ему больше, чем другим воспитанникам двора. После обучения Акрополит стал важным лицом в византийском государстве – сначала логофетом геникона, сопровождая императора в его военных походах, затем логофетом дрома и претора в Болгарии, – а в итоге удостоился звания императорского секретаря. Кроме отправления государственных обязанностей Акрополит выполнял и личные поручения императора, например, занимаясь воспитанием наследника – будущего Феодора II Ласкариса (1254–1258). При Феодоре II Акрополит сохранил свое положение при дворе, однако новый император быстро скончался, а его малолетний сын Иоанн IV Ласкарис (1258–1261) был низложен в результате заговора, приведшего к власти Михаила VIII Палеолога (1259–1282). Акрополит был родственником Михаила VIII, продолжил служить новому императору и вскоре заслужил титул великого логофета с соответствующими должностными обязанностями.

Акрополит написал историю Византийской империи с 1203 по 1261 гг., при династии Ласкарисов и Михаиле VIII Палеологе, которая затем была дважды опубликована – сначала И. Беккером в 1836 г. с латинским переводом [20], а потом А. Гейзенбергом в 1903 г. [21]. Труд Акрополита неоднократно переводился на современные языки. Как источник он в целом достоверен и содержит многочисленные подробности из жизни никейского императорского двора. Акрополит старался излагать события «без злобы и ненависти» [19, 127], но при этом не стремился представлять их в хронологической последовательности, а предпочитал скорее тематический подход. Как и Хониат, Акрополит был готов признать превосходство латинян в некоторых вопросах. Он отмечает проявления божественного провидения в целом ряде событий, но вместе с тем, пытаясь отыскать скрытые исторические «пружины», часто прибегает к прочерчиванию исторических параллелей и при этом пишет объективно и не поддаваясь эмоциям [22, 66–68, 76]. Однако определенная предвзятость и очевидная авторская позиция, выражающаяся в выборе как самих событий для описания, так и их интерпретаций, Акрополиту все же присуща [22, 66–69, 72, 75]. Хронист фокусируется на истории Никейской империи и формировании новой имперской идеологии. Его описания военных походов и дипломатических миссий также представляют собой ценный источник для рассмотрения отношений Никейской империи с другими византийскими государствами первой половины XIII в. Существует также дополнение к работе Георгия Акрополита – «Сводная хроника», – традиционно приписываемое Феодору Скутариоту [23], хотя в самом раннем издании труда Акрополита С. Сафаса данный факт не указан [24], и авторство данного произведения до сих пор вызывает споры [22, 64; 5, 114–117; 25, 253–263].

Проблема культурно-политической преемственности в никейских нарративных источниках

К XII–XIII вв. в византийских исторических сочинениях начинают все явственнее ощущаться личностные характеристики их авторов, поскольку – по мере развития средневекового историописания – и у хронистов, и у их читателей стала возникать потребность в том, чтобы пишущие историю для доказательства достовер-

ности своих трудов представляли себя участниками и свидетелями событий, о которых они повествуют. Поэтому помимо изложения непосредственно самих исторических событий они стали прямо или косвенно истолковывать действия и поступки персонажей, о которых вели речь. В этом смысле исторические труды Хониата, Акрополита и других авторов представляют более подробную, достоверную и – главное – выдержанную в гораздо более аналитическом духе, нежели у их предшественников, картину. Личные мнения этих писателей позволяют составить представление о том, как современники воспринимали свою эпоху, как относились к императорам, как вообще воспринимали власть. На основании текстов рассмотренных авторов образ Феодора Ласкариса предстает скорее в положительном свете. Пожалуй, лишь Хониат, разочарованный в конце жизни тем положением, которое он занимал, в окончательной версии своего труда довольно сдержанно восхваляет Феодора [5, 146; 25, 65] по сравнению с речами 1206–1208 гг. Тем не менее Хониат вполне благорасположен к Феодору и не критикует его, как предыдущих императоров. Акрополит, который застал правление Феодора I лишь в раннем детстве, описывает этого императора как несомненного героя – в соответствии с зародившейся в конце XI в. традицией представлять государя как воинственного рыцаря, а не как святого – по духовной связи с Богом, – что было свойственно более ранней эпохе [5, 144, 145, 148, 253; 27, 50]. Отсюда же проистекает и своего рода «приземленность» образа императора в византийской историографии этого времени [5, 146–147; 19, 127], которая четко прослеживается у Никиты Хониата. Акрополит выставляет идеальными государями Иоанна III Дуку Ватаца и Феодора II Ласкариса в полном соответствии с платоновским идеалом правителя – заботливого полководца и философа. Представление о совершенном императоре как о воителе стало особенно актуальным и осмысленным после падения Константинополя, когда византийцы поняли, что находятся в состоянии войны с латинянами, поэтому образ василевса как защитника византийской культуры не мог не обрести четкой военной составляющей.

По той же причине восхваление императора фокусируется на его личных достоинствах, отсюда возникает потребность сравнивать действующих государей со знаменитыми историческими личностями. Так, в речах Никиты Хониата

Феодор Ласкарис сопоставляется с библейским царем Давидом и Александром Македонским [9, 129, 134]. Хониат подчеркивает, что настоящий василевс узнается по его победам, а не по императорским инсигниям [9, 138] и что Феодор пришел к власти главным образом вследствие своих достоинств и лишь во вторую очередь – из-за брака и знатного происхождения [9, 130]. Михаил Хониат восхваляет Феодора Ласкариса за то, что тот стал императором исключительно благодаря личным качествам, а не по причине обладания выгодными связями среди знати, что было характерно для предыдущих – «неумелых» – императоров [15, 284]. Действительно, в первой половине XIII в. знатность происхождения стала цениться гораздо меньше, нежели прежде, и должна была отныне сочетаться с доблестью и умом [26, 106; 27, 45, 52; 28, 94–96]. Хотя, конечно, титулы и положение в государственной иерархии так никогда в истории Византии и не перевесили престиж аристократического происхождения [22, 73–74; 28, 94–95; 29, 20], и тот же Феодор Ласкарис как до, так и после 1204 г. подчеркивал свои родственные связи с родом Комнинов.

Поскольку византийская история писалась и фактически бытовала как составная часть культуры империи, традиция историописания основывалась на узнаваемых литературных образах, устоявшейся символической и стереотипной античности и христианского наследия. Потребность соотнесения культуры и, в частности, исторической мысли с этими корнями обострилась после катастрофы 1204 г. по двум причинам. Во-первых, из стремления спасти греческий православный мир и, во-вторых, в результате резкого распространения разговорного языка, что явно противоречило тщательно оберегавшейся византийской аристократией традиции придерживаться в качестве нормы аттического диалекта. Подобные изменения в языке отразились и в создававшихся после падения Константинополя произведениях. Так, хроника Никиты Хониата – один из наиболее ярких примеров одновременно как античного возрождения в византийской литературе, так и серьезного обновления греческого языка, приведшего к заметным корректировкам в его лексике и словоупотреблении [10, 20, 133, 149]. Именно Никита Хониат «перенес» Византийскую империю из Константинополя в Никею, сочетая традиции с новшествами, одновременно завершив в литературе эпоху XII в. и открыв новую страницу в ее развитии. Последу-

ющие хронисты ориентировались на труд Хониата и вместе с тем продолжали формировать образ и восприятие никейской истории.

Несмотря на то, что византийские нарративные источники представляют падение Константинополя как катаклизм вселенских масштабов, они не усматривают в нем начало какого-то принципиально нового этапа в истории империи. Считая разгром крестоносцами столицы божьей карой за грехи правителей и всего общества, они все же не передают ощущения наступления эсхатологического финала истории: в конце концов, византийская идентичность осталась неизменной, сохранилась и власть василевса, что явственно свидетельствовало о продолжении прежней культурно-

политической традиции. Все названные выше авторы были в той или иной степени интегрированы в придворное сообщество, что также подтверждало неизменность установлений, на которых в представлениях византийцев основывалось мироустройство. Свое окружение они считали естественным составным элементом византийского государства, и пока это окружение воспроизводило себя, государство продолжало существовать в соответствии с нормативными представлениями, уходящими корнями в эпоху поздней Античности. Поэтому никейские нарративные источники не видели принципиальной разницы между Византией с центром в Константинополе и Византией со столицей в Никее.

Библиография:

1. Angold M. A Byzantine Government in Exile. Government and Society Under the Laskarids of Nicaea (1204–1261). Oxford: Oxford University Press, 1975. 332 p.
2. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. 3 Teil: Regesten von 1204–1282. 2 Auflage / Hrsg. von F. Dölger, P. Wirth, A. E. Müller. München: Oldenbourg u. a., 1977. 177 S.
3. Les regestes des Actes des Patriarches de Constantinople. Vol. I. Fasc. 4: Les regestes de 1208 à 1309 / Éd. par V. Laurent. Paris: Institut Français d'Études byzantines, 1971. 636 p.
4. Hendy M. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 4: Alexius I to Michael VIII, 1081–1261. Pt. 2. Washington, D. C.: Harvard University Press, 1999. 730 p.
5. Simpson A. Niketas Choniates. A Historiographical Study. Oxford: Oxford University Press, 2013. 400 p.
6. Nicetae Choniatae Historia / Hrsg. von I. Bekker. Bonn: Weber, 1835. 958 S.
7. Nicetae Choniatae Historia / Hrsg. von J. A. van Dieten. Berlin: De Gruyter, 1975. 655 S.
8. Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae / Επ. από Κ. Σάθας. Βενετία: Τύποις του Χρόνου, 1872. 314 σ.
9. Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae / Hrsg. von J. A. van Dieten. Berlin: De Gruyter, 1972. 279 S.
10. Каждан А. П. Никита Хониат и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 547 с.
11. Harris J. Distortion, Divine Providence and Genre in Niketas Choniates' Account of the Collapse of Byzantium, 1180–1204 // Journal of Medieval History. 2000. Vol. 26. P. 19–31.
12. Simpson A. J. Before and After 1204: the Versions of N. Choniates' Historia // Dumbarton Oaks Papers. 2006. Vol. 60. P. 189–221.
13. Harris J. Looking back on 1204: Nicetas Choniates in Nicaea // Mésogeios. 2001. Vol. 12. P. 117–124.
14. Μυχαήλ Ἀκομινάτου τοῦ Χονιάτου ἅα σωζόμενα / Επ. από Σ. Λάμπρος. Τ. Ι–ΙΙ. Αθήνα: Παρνασσός. Τ. Ι. 1879. 368 σ.; Τ. ΙΙ. 1880. 693 σ.
15. Michaelis Choniatae Epistulae / Hrsg. von F. Kolovou. Berlin: De Gruyter, 2001. 544 S.
16. Lambriniadis E. Die Brüder Ioannis und Nikolaos Mesaritis, Verteidiger der Orthodoxie in den Unionsverhandlungen von 1204 bis 1214 (im historischen und theologischen Rahmen der Epoche) // Κληρονομία. 1996. Τ. 28. Σ. 187–236.
17. Heisenberg A. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. Bd. I. Der Epitaphios des Nikolaos Mesarites auf seinen Bruder Johannes. S. 3–75; Bd. II. Die Unionsverhandlungen vom 30 August 1206; Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia 1208. S. 3–56; Bd. III. Der Bericht des Nikolaos Mesarites über die politischen und kirchlichen Ereignisse des Jahres 1214. S. 3–96 // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und Historische Klasse. London: Variorum Reprints, 1973. 424 S.
18. Spiteris G. I dialoghi di Nicolas Mesarites coi Latini: opera storica o finzione letteraria? // Orientalia Christiana Analecta. 1977. № 204. P. 181–186.
19. Жаворонков П. И. Некоторые аспекты мировоззрения Георгия Акрополита // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 125–133.
20. Georgii Acropolitae Annales / Hrsg. von I. Bekker. Bonn: Weber, 1836. 286 S.
21. Georgii Acropolitae Opera / Hrsg. von A. Heisenberg, P. Wirth. Stuttgart: B. G. Teubner, 1978. 416 S.
22. Macrides R. Thirteenth Century in Byzantine Historical Writing // Porphyrogenita. Essays on the History and Literature of Byzantium and the Latin East in Honour of Julian Chrysostomides / Ed. by C. Dendrinos, J. Harris, E. Harvalia-Crook, J. Herrin. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 63–76.
23. Theodori Scutariotae Addimenta ad Georgii Acropolitae Historiam / Hrsg. von A. Heisenberg. Bd. I. Leipzig: Teubner, 1903. S. 275–302.
24. Ανώνυμος. Σύνοψις Χρονική / Επ. από Κ. Σάθας. Βενετία: Τύποις του Χρόνου, 1894. 680 σ.
25. Zafeiris K. The Authorship of the Synopsis Chronike // Revue des études byzantines. 2011. Vol. 69. P. 253–263.

26. Angelov D. *Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 474 p.
27. Kazhdan A. *The Aristocracy and the Imperial Ideal // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries* / Ed. by M. Angold. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 43–57.
28. Жаворонков П. И. Представления Георгия Акрополита о знатности и структуре никейской знати // *Византийский временник*. 1998. Т. 55/2. С. 93–98.
29. Guillard R. *Recherches sur les institutions byzantines*. Berlin: Akademie-Verlag, 1967. Vol. 1. 607 p.

References (transliterated):

1. Angold M. *A Byzantine Government in Exile. Government and Society Under the Laskarids of Nicaea (1204–1261)*. Oxford: Oxford University Press, 1975. 332 p.
2. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453*. 3 Teil: Regesten von 1204–1282. 2 Auflage / Hrsg. von F. Dölger, P. Wirth, A. E. Müller. München: Oldenbourg u. a., 1977. 177 S.
3. *Les registres des Actes des Patriarches de Constantinople*. Vol. I. Fasc. 4: Les registres de 1208 à 1309 / Éd. par V. Laurent. Paris: Institut Français d'Études byzantines, 1971. 636 p.
4. Henny M. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. 4: Alexius I to Michael VIII, 1081–1261. Pt. 2. Washington, D. C.: Harvard University Press, 1999. 730 p.
5. Simpson A. *Niketas Choniates. A Historiographical Study*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 400 p.
6. *Nicetae Choniatae Historia* / Hrsg. von I. Bekker. Bonn: Weber, 1835. 958 S.
7. *Nicetae Choniatae Historia* / Hrsg. von J. A. van Dieten. Berlin: De Gruyter, 1975. 655 S.
8. *Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae* / Επ. από Κ. Σάθας. Βενετία: Τύποις του Χρόνου, 1872. 314 σ.
9. *Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae* / Hrsg. von J. A. van Dieten. Berlin: De Gruyter, 1972. 279 S.
10. Kazhdan A. P. *Nikita Khoniati i ego vremya*. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2005. 547 s.
11. Harris J. Distortion, Divine Providence and Genre in Niketas Choniates' Account of the Collapse of Byzantium, 1180–1204 // *Journal of Medieval History*. 2000. Vol. 26. P. 19–31.
12. Simpson A. J. Before and After 1204: the Versions of N. Choniates' Historia // *Dumbarton Oaks Papers*. 2006. Vol. 60. P. 189–221.
13. Harris J. Looking back on 1204: Nicetas Choniates in Nicaea // *Mésogaios*. 2001. Vol. 12. P. 117–124.
14. Μιχάηλ Άκομινάτου τοῦ Χονιάτου ἔα σωζόμενα / Επ. από Σ. Λάμπρος. Τ. Ι–ΙΙ. Αθήνα: Παρνασσός. Τ. Ι. 1879. 368 σ.; Τ. ΙΙ. 1880. 693 σ.
15. *Michaelis Choniatae Epistulae* / Hrsg. von F. Kolovou. Berlin: De Gruyter, 2001. 544 S.
16. Lambriadiadis E. Die Brüder Ioannis und Nikolaos Mesaritis, Verteidiger der Orthodoxie in den Unionsverhandlungen von 1204 bis 1214 (im historischen und theologischen Rahmen der Epoche) // *Κληρονομία*. 1996. Τ. 28. Σ. 187–236.
17. Heisenberg A. *Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion*. Bd. I. Der Epitaphios des Nikolaos Mesarites auf seinen Bruder Johannes. S. 3–75; Bd. II. Die Unionsverhandlungen vom 30 August 1206; Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia 1208. S. 3–56; Bd. III. Der Bericht des Nikolaos Mesarites über die politischen und kirchlichen Ereignisse des Jahres 1214. S. 3–96 // *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und Historische Klasse*. London: Variorum Reprints, 1973. 424 S.
18. Spiteris G. I dialoghi di Nicolas Mesarites coi Latini: opera storica o finzione letteraria? // *Orientalia Christiana Analecta*. 1977. № 204. P. 181–186.
19. Zhavoronkov P. I. Nekotorye aspekty mirovozzreniya Georgiya Akropolita // *Vizantiiskii vremennik*. 1986. Т. 47. S. 125–133.
20. *Georgii Acropolitae Annales* / Hrsg. von I. Bekker. Bonn: Weber, 1836. 286 S.
21. *Georgii Acropolitae Opera* / Hrsg. von A. Heisenberg, P. Wirth. Stuttgart: B. G. Teubner, 1978. 416 S.
22. Macrides R. *Thirteenth Century in Byzantine Historical Writing // Porphyrogenita. Essays on the History and Literature of Byzantium and the Latin East in Honour of Julian Chrysostomides* / Ed. by C. Dendrinos, J. Harris, E. Harvalia-Crook, J. Herrin. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 63–76.
23. *Theodori Scutariotae Addimenta ad Georgii Acropolitae Historiam* / Hrsg. von A. Heisenberg. Bd. I. Leipzig: Teubner, 1903. S. 275–302.
24. Ανώνυμος. Σύνοψις Χρονική / Επ. από Κ. Σάθας. Βενετία: Τύποις του Χρόνου, 1894. 680 σ.
25. Zafeiris K. The Authorship of the Synopsis Chronike // *Revue des études byzantines*. 2011. Vol. 69. P. 253–263.
26. Angelov D. *Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 474 p.
27. Kazhdan A. *The Aristocracy and the Imperial Ideal // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries* / Ed. by M. Angold. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 43–57.
28. Zhavoronkov P. I. *Predstavleniya Georgiya Akropolita o znatnosti i strukture nikeiskoi znati* // *Vizantiiskii vremennik*. 1998. Т. 55/2. С. 93–98.
29. Guillard R. *Recherches sur les institutions byzantines*. Berlin: Akademie-Verlag, 1967. Vol. 1. 607 p.